

РАЗДЕЛ III. СТИЛИСТИКА. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПОЭТИКА. РИТОРИКА

ББК 81
УДК 80

Н. Г. Ганбарова ¹

ORCID: 0009-0007-1620-2343

*Нахчыванский государственный университет
Азербайджан, Нахчыванская Автономная Республика,
г. Нахчыван, пр. Г. Алиева, 1
nurideqenberova@ndu.edu.az
nurideqenberova@gmail.com*

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДИСКУРС КАК ПОЛЕ ЭТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ: ЯЗЫК, СТИЛЬ, ИДЕОЛОГИЯ

В работе рассматривается художественный дискурс как динамическое пространство, в котором происходят значимые этические трансформации. Литературный текст воспринимается не только как художественное высказывание, но и как форма этического суждения, способ моделирования моральных конфликтов и идентичностей. Особое внимание уделяется взаимодействию языка, стиля и идеологических импликаций в произведениях русской литературы XIX века, в частности, в текстах Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, Н. С. Лескова и М. Е. Салтыкова-Щедрина. Через анализ нарративных стратегий, образов закона и справедливости, категорий вины и прощения, в работе выявляется, каким образом литература функционирует как пространство этической рефлексии, а также как стилистические средства становятся инструментами философского осмысления морали.

Делается вывод о том, что литературный дискурс способен не только отражать, но и влиять на трансформации этических парадигм в обществе.

¹ Ганбарова Нурида Гусейновна, преподаватель, Нахчыванский государственный университет, г. Нахчыван, Азербайджан, Нахчыванская Автономная Республика.

Ключевые слова: этика, литературный дискурс, стиль, идеология, моральный конфликт, русская литература XIX века

Введение

В современной гуманитарной науке возрастает интерес к этической составляющей художественного дискурса. Литература всё чаще рассматривается не только как эстетический феномен, но и как пространство философской рефлексии, нравственных исканий и идеологического сопротивления. В центре внимания исследователей оказывается способность художественного текста моделировать ситуации морального выбора, формировать эмпатические отношения, осмысливать природу справедливости и ответственности. Этические трансформации, происходящие в обществе, находят в литературе не просто отражение, но и проактивную интерпретацию, становясь частью художественной стратегии и стилистической парадигмы.

Особую актуальность приобретает изучение языка и стиля как средств репрезентации этических конфликтов и культурных сдвигов. В условиях напряженного диалога между индивидуальным и общественным, духовным и идеологическим, художественный текст может функционировать как поле столкновения моральных позиций, в котором ценности подвергаются испытанию, пересмотру или реконструкции. Таким образом, литература становится не просто зеркалом эпохи, но и лабораторией этического мышления, где происходит переосмысление норм, кодов и символов.

Настоящая статья ставит целью проанализировать, каким образом литературный дискурс – прежде всего в произведениях русской литературы XIX века – становится пространством этических трансформаций. Исследование сосредоточено на текстах Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, Н. С. Лескова и М. Е. Салтыкова-Щедрина, в которых особым образом взаимодействуют язык, стиль и идеологическая направленность. Эти произведения позволяют проследить, как художественные формы становятся средствами этической рефлексии, а нарратив – ареной борьбы между моральными категориями и политическими доктринами.

1. Литература как этическая лаборатория: от повествования к нравственной рефлексии

Литература на протяжении всей истории человечества выполняла не только эстетическую, но и этическую функцию. Она способна не просто рассказывать истории, но и вовлекать читателя в сложные нравственные размышления, пробуждая эмоциональное и моральное участие. В условиях модерности и постмодерна эта функция обостряется: литература становится пространством осмысления кризиса ценностей, потери универсальных моральных ориентиров и необходимости их переосмысления в условиях плюрализма истины.

В отличие от философии, где моральные категории формулируются в абстрактных терминах, художественный текст действует через конкретику – персонажей, ситуации, стилистику, интонацию. Это делает литературный дискурс особой формой «эмоционального мышления» [11], в котором знание и чувство переплетены. Через сюжетные конфликты, внутренние монологи, символику и нарративные паузы литература моделирует реальные и гипотетические ситуации морального выбора, создавая у читателя опыт сострадания, со-размышления и со-ответственности.

Ключевым теоретиком этой идеи выступает М. М. Бахтин, определивший природу художественного слова как *диалогическую* и *полифоническую* [1]. Полифония предполагает сосуществование множества голосов, каждый из которых обладает своей логикой и этическим весом. В полифоническом романе, как подчеркивал М. М. Бахтин на примере творчества Ф. М. Достоевского, истина не подается в готовом виде – она рождается в столкновении позиций, в диалоге с Другим, в моменте нравственного выбора.

Примером может служить роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», в котором представлена сложная этическая конфигурация. Речь идет не о морализаторстве, а о внутреннем конфликте героя, разрывающегося между рациональной идеей «наполеоновского» сверхчеловека и живым опытом сострадания, боли, покаяния. Герой проходит путь от абстрактной философии оправданного зла к эмоционально прожитому нравственному катарсису, и именно в этом движении раскрывается этическая мощь литературы [7; 4].

Другой значимый мыслитель – Эммануэль Левинас – говорил о первичности ответственности перед Другим, которая предшествует всякому рациональному обоснованию морали [10]. В этом контексте

литература, способная дать голос уязвимому, неузнанному, отверженному Другому, становится формой этического свидетельства [10]. Читатель, вовлеченный в текст, уже не может оставаться «вне»: он оказывается в пространстве ответственности, соучастия, «этического взгляда».

В этом смысле художественный дискурс – это не просто зеркало морали, но и пространство этических трансформаций. Произведения Н. С. Лескова, такие как «Левша», или сатира М. Е. Салтыкова-Щедрина в «Истории одного города» не только вскрывают социальные противоречия и злоупотребления власти, но и создают критические модели морального суждения. Их герои, часто наивные или гротескные, оказываются носителями глубокой нравственной правды, противопоставленной лицемерию, жестокости или бюрократическому цинизму.

Художественное слово, таким образом, превращается в форму этической интервенции, в которой пересекаются личное и общественное, индивидуальное чувство и историческая травма. Как утверждает М. Нуссбаум, литература «учит нас видеть сложность мира и понимать других» [11, 5], а потому должна рассматриваться как полноправный участник моральной философии.

Более того, язык и стиль произведения также участвуют в моделировании этического восприятия. Использование иронии, гротеска, фрагментарности или нарративного сдвига позволяет автору не просто рассказать историю, а поставить под сомнение саму возможность моральной определенности, предложить читателю почувствовать, а не только понять. В этом заключается уникальность литературного дискурса – он не предписывает, а вовлекает, не наказывает, а предлагает пространство для личного этического роста.

Именно поэтому литература должна рассматриваться как «этическая лаборатория», где моделируются альтернативные формы жизни, где возможен критический пересмотр норм, стереотипов и идеологем и где рождается субъект, способный к эмпатии, сомнению и ответственности.

2. Стилистика и язык как носители этического смысла

Язык художественного текста – не просто средство выражения эстетических форм, но и тончайший инструмент этической артикуляции. Литература не описывает моральные ситуации извне – она переживает их через само языковое выражение, делая стиль частью этического опыта. Стилистика в литературе играет важнейшую

роль в создании нравственного напряжения, вскрытии моральных дилемм и построении внутреннего мира персонажа. В произведении этика и язык не существуют параллельно – они взаимопроникают, формируя пространство морального смысла. Выбор слов, интонация, ритмика фразы, нарративная структура – всё это становится частью этического высказывания, где лингвистическая форма выступает медиатором между текстом и моральной рефлексией читателя [12; 11].

На уровне лексики автор может прибегать к эвфемизмам, чтобы скрыть или смягчить проявление насилия и несправедливости, или, напротив, использовать резкие, грубые речевые обороты, подчеркивая безысходность, напряженность и жестокость окружающего мира. В этом смысле язык как бы «проверяет» читателя на готовность воспринять моральное испытание – он перестаёт быть нейтральным инструментом и становится нравственной средой. Так, в «Шинели» Н. В. Гоголя язык жалости, простоты и почти библейской кротости контрастирует с канцелярской, бюрократической бездушностью. Это создает мощную этическую оппозицию между живым и мертвым словом, между внутренней правдой и социальной жестокостью, выступая в духе бахтинской оппозиции «авторитарного» и «внутренне свободного» слова [2].

В произведениях Ф. М. Достоевского язык часто становится ареной внутренней борьбы персонажа: поток сознания, повторы, сбивчивая речь отражают не только психологическое состояние героя, но и его нравственные сомнения и метафизические поиски. В «Бесах» стиль Ф. М. Достоевского нарочито многоголосен и полифоничен: он моделирует столкновение идеологий через особенность речевого поведения персонажей. Полифония становится способом этической деконструкции авторитетного высказывания, раскрывая сложную динамику внутренней свободы [5]. Этическая проблематика в этом контексте проявляется не только в содержании, но и в форме, ритме, интонациях, прерывистости речи.

Особое значение приобретает ирония – один из самых сложных и многозначных стилистических приемов. В «Истории одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина ирония выполняет не только сатирическую, но и глубоко нравственную функцию: она обнажает лицемерие власти, двойные стандарты морали, разрыв между декларируемыми и реально действующими ценностями. Подобный язык представляет собой особый этический вызов: он не диктует моральное решение, но открывает пространство для рефлексии и внутреннего выбора. Иронический стиль, как отмечает Линда Хатчен, – это способ этически ангажированного повествования без прямой дидактики [8].

Стилистическая индивидуальность Н. С. Лескова также демонстрирует тесную связь между языком и этикой. Его сказовый стиль, использование просторечий, пословиц, фольклорных формул и обилие экспрессивной лексики создают эффект живого, «совестливого» повествования, глубоко укорененного в народной нравственности. В «Левше» речь героев наполнена простой, но глубокой интонацией, в которой сочетаются скромность, преданность, терпение и готовность к самоотверженности – категории, выходящие за рамки рациональной морали и переходящие в сферу духовного этического опыта. Как подчёркивает исследователь А. Ф. Лосев, нравственная сила сказового слова у Лескова не в назидательности, а в его органичности, в глубокой связи с народным представлением о добре [3].

Таким образом, язык и стиль в литературном дискурсе не являются вторичными по отношению к этическому содержанию, напротив – они несут в себе подлинное нравственное напряжение, позволяя читателю прочувствовать, а не просто понять моральную проблематику текста. Через стилистику литература формирует особое пространство – пространство этического звучания, в котором художественное слово обретает силу нравственного поступка. Это подтверждает и Поль Рикёр, утверждая, что язык повествования формирует этическое воображение, способное к моральной трансформации субъекта [12].

3. Идеология и мораль: конфликт и взаимодействие в литературном дискурсе

Литература – это не только пространство эстетической и нравственной рефлексии, но и важнейшая сфера идеологической борьбы. Художественный текст нередко оказывается втянутым в диалог с господствующими политическими нарративами, а язык литературы может одновременно быть и средством сопротивления, и формой компромисса. Именно на этом пересечении – между моралью как внутренним императивом и идеологией как внешним регулятором – рождается напряженная драматургия литературного дискурса [6; 14].

Русская литература XIX века предоставляет особенно выразительные примеры этого взаимодействия. В романе «Бесы» Ф. М. Достоевского моральная катастрофа героев обусловлена не столько их личной испорченностью, сколько разрушительным воздействием идеологической утопии, подменяющей нравственные категории догматической целесообразностью. Идеология

революционного нигилизма вытесняет сострадание, совесть и любовь – и в этом процессе язык становится грубым, насильственным, опустошенным. Достоевский, используя приемы полифонии, дает возможность идеологии «высказаться» изнутри, не нарушая художественной объективности, и тем самым создает подлинно этическое поле оценки, где читатель сам должен услышать фальшь в речах героев [5; 7].

В произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина сталкиваются два мира – официальный, идеологически упорядоченный, и живой, часто абсурдный, но более нравственный. В «Истории одного города» бюрократический язык превращается в инструмент идеологической репрессии: приказы, отчеты, декреты звучат как карикатура на здравый смысл. Однако под иронической оболочкой скрывается острое этическое высказывание о безнравственной природе власти, подавляющей человеческую свободу и достоинство. Здесь литература выступает как форма критического сознания, способная вскрывать ложь и лицемерие идеологического дискурса [8; 9].

Не менее показательно творчество Н. С. Лескова, в котором проявляется попытка найти нравственное измерение вне идеологических рамок. Его персонажи – простые люди, ремесленники, странники – часто оказываются носителями подлинной, «внутренней» морали, противопоставленной официальной религиозной или государственной доктрине. В произведениях «Соборяне» и «Левша» человеческое достоинство, совестливость, способность к состраданию становятся этическими опорами, не нуждающимися в идеологическом обосновании. Н. С. Лесков демонстрирует, что моральное чувство может существовать вопреки идеологическим давлениям, и что язык, освобожденный от идеологической функции, обретает силу духовной истины [3; 13].

Таким образом, литература не просто взаимодействует с идеологией – она ставит её под вопрос, анализирует её влияние на моральное сознание личности. Художественный дискурс становится ареной конфликта между навязанными ценностями и внутренним нравственным чувством, между официальным языком и живой речью, между внешней правдой и внутренней истиной. В этом заключается её мощный потенциал как средства этической трансформации и социального осмысления [6; 12].

Заключение

Литературный дискурс представляет собой уникальное пространство, в котором пересекаются язык, стиль, идеология

и мораль. Через художественное слово раскрываются не только эстетические формы, но и глубокие этические смыслы, формирующие критическое и совестливое сознание читателя. Литература способна не только фиксировать моральные конфликты эпохи, но и предлагать альтернативные формы нравственного существования, моделируя внутренние столкновения, выборы, сомнения и прозрения.

Анализ произведений Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, Н. С. Лескова и М. Е. Салтыкова-Щедрина позволяет выявить, каким образом язык и стиль становятся проводниками этических трансформаций, а идеология – неотъемлемым полем напряжения, в котором формируется или, напротив, подавляется нравственная позиция. Особая значимость литературного текста заключается в его способности удерживать моральную сложность, не редуцируя её до декларативных истин и не подчиняя её внешним нормативам.

Таким образом, литература выступает как динамическое пространство этического мышления, где эстетическое, политическое и духовное обретают подлинное единство. Обращение к литературному дискурсу как к этическому феномену не только расширяет горизонты филологического анализа, но и возвращает гуманитарному знанию его изначальную воспитательную и просветительскую миссию – пробуждать нравственную чувствительность, сострадание и способность к моральной рефлексии.

Список источников

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. Санкт-Петербург: Питер, 2024. 497 с.
2. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Москва: Художественная литература, 1975. 504 с.
3. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Поздний эллинизм. Москва: Искусство, 1980. 766 с.
4. Рикёр П. Я – самость как иной. Москва: Издательство гуманитарной литературы, 2008. 416
5. Bakhtin M. M. Problems of Dostoevsky's Poetics (Edited and Transl. by C. Emerson). Minneapolis: University of Minnesota Press, 1984. 388 p.
6. Eagleton T. Ideology: An Introduction. London: Verso, 1991. 242 p.
7. Frank J. Dostoevsky: The Miraculous Years, 1865–1871. Princeton: Princeton University Press, 1995. 552 p.
8. Hutcheon L. Irony's Edge: The Theory and Politics of Irony. London: Routledge, 1994. 248 p.

9. Kelly C. *Russian Literary Politics and the Criticism of Power*. Cambridge University Press, 1999.
10. Levinas E. *Entre Nous: Thinking-of-the-Other*. New York: Columbia University Press, 1998. 273 p.
11. Nussbaum M. C. *Love's Knowledge: Essays on Philosophy and Literature*. New York: Oxford University Press, 1990. 436 p.
12. Ricoeur P. *Oneself as Another* (Transl. by K. Blamey). Chicago: University of Chicago Press, 1994. 388 p.
13. Terras V. *A History of Russian Literature*. New Haven :Yale University Press, 1991. 676 p.
14. Williams R. *Marxism and Literature*. Oxford University Press, 1977. 228 p.

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. *Problems of Dostoevsky's Poetics*. SPb: Piter, 2024. 497 p. (In Russ.)
2. Bakhtin M. M. *Questions of Literature and Esthetics*. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1975. 504 p. (In Russ.)
3. Losev A. F. *History of Ancient Esthetics. Late Hellenism*. Moscow: Iskustvo, 1980. 766 p. (In Russ.)
4. Ricoeur P. *I - the Self as Other*. Moscow: Publishing House of Humanitarian Literature, 2008. 416 p. (In Russ.)
5. Bakhtin M. M. *Problems of Dostoevsky's Poetics* (Edited and Transl. by C. Emerson). Minneapolis: University of Minnesota Press, 1984. 388 p. (In Eng.)
6. Eagleton T. *Ideology: An Introduction*. London: Verso, 1991. 242 p. (In Eng.)
7. Frank J. *Dostoevsky: The Miraculous Years, 1865–1871*. Princeton: Princeton University Press, 1995. 552 p. (In Eng.)
8. Hutcheon L. *Irony's Edge: The Theory and Politics of Irony*. London: Routledge, 1994. 248 p. (In Eng.)
9. Kelly C. *Russian Literary Politics and the Criticism of Power*. Cambridge University Press, 1999. (In Eng.)
10. Levinas E. *Entre Nous: Thinking-of-the-Other*. New York: Columbia University Press, 1998. 273 p. (In Eng.)
11. Nussbaum M. C. *Love's Knowledge: Essays on Philosophy and Literature*. New York: Oxford University Press, 1990. 436 p. (In Eng.)
12. Ricoeur P. *Oneself as Another* (Transl. by K. Blamey). Chicago: University of Chicago Press, 1994. 388 p. (In Eng.)
13. Terras V. *A History of Russian Literature*. New Haven: Yale University Press, 1991. 676 p. (In Eng.)

14. Williams R. *Marxism and Literature*. Oxford University Press, 1977. 228 p. (In Eng.)

**LITERARY DISCOURSE AS A FIELD OF ETHICAL
TRANSFORMATIONS: LANGUAGE, STYLE, IDEOLOGY**

Nuride Huseynovna Ganbarova
Nakhchivan State University, teacher
(Nakhchivan, Azerbaijan)

Abstract

The article examines artistic discourse as a dynamic space in which significant ethical transformations take place. The literary text is considered not only as an aesthetic utterance, but also as a form of ethical judgment, a means of modeling moral conflicts and identities. Particular attention is paid to the interplay of language, style, and ideological implications in nineteenth-century Russian literature – specifically, in the works of N. V. Gogol, F. M. Dostoevsky, N. S. Leskov, and M. E. Saltykov-Shchedrin. Using an analysis of narrative strategies, representations of law and justice, and the categories of guilt and forgiveness, the article demonstrates how literature functions as a space of ethical reflection and how stylistic devices become instruments for the philosophical comprehension of morality. The study concludes that literary discourse is capable not only of reflecting but also of shaping transformations in society's ethical paradigms.

Keywords: ethics; literary discourse; style; ideology; moral conflict; nineteenth-century Russian literature

Для цитирования: Ганбарова Н. Г. Литературный дискурс как поле этических трансформаций: язык, стиль, идеология // *Libri Magistri*. 2025. № 3 (33). С. 33–42.

Поступила в редакцию 03.08.2025